

не публично, а в самом узком кругу, приводили к аресту. Гордов, его заместитель Кулик¹¹⁰ и Рыбальченко просидели три года в тюрьме без суда. Лишь в августе 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР всех их признала виновными в том, что, будучи антисоветски настроенными, они высказывали клеветнические суждения о мероприятиях партии и правительства, террористические угрозы по адресу Сталина, заявляли о намерении изменить Родине и организовали заговорщическую группу для борьбы с советской властью. На суде все трое обвиняемых от своих предварительных показаний отказались, заявив о применении к ним мер физического и психологического воздействия (карцер, избие-

ния, угрозы). Несмотря на это, генералы были расстреляны.

В октябре 1941 года был издан приказ наркома обороны СССР № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем констатировались «частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров». Таким образом, партийно-государственное руководство страны опять переложило вину на армию. Приказ наркома предписывал бороться со всеми явлениями незаконных репрессий. Право карать и миловать партийное руководство считало своей исключительной прерогативой.

Служебный дом

Служебное помещение для сотрудников охраны и обслуживающего персонала располагается с западной стороны от Главного дома и соединяется с ним 25-метровым коридором. Кое-кто из гостей, подъезжавших к служебному дому через ворота № 3 и № 2, не видел Главного дома и считал, что Сталин живет в небольшом одноэтажном доме. Служебное здание действительно казалось небольшим, так как просматривалось только с западной стороны и выглядело более чем скромно. Окрашенное, как и Главный дом, в темно-зеленый цвет, закрытое густыми кустами, оно издали было почти незаметно, тем более что низкорослые липы, посаженные близко друг к другу по обеим сторонам ведущей от ворот № 2 дороги, скрывали листвою веранду столовой и кухню, оставляя взору посетителей только центральный вход служебного дома.

В служебном доме кроме кухни и столовой для сотрудников, работавших на объекте, находились комната дежурного, кабинеты руководителей охраны, жилые комнаты обслуживающего персонала и другие хозяйственные помещения. Сталинские гости из числа членов Политбюро или высшего командного состава попадали к нему через прихожую Главного дома. Гости рангом ниже — через служебный дом, но отнюдь не через центральный его вход. Эта дверь всегда была на запоре. Воспользоваться ею могли начальник охраны, комендант объекта и его заместитель по хозяйственной части:

только у них были ключи. Гости же, подъехав к служебному дому на машине, поднимались по ступенькам на террасу справа от центрального входа и поворачивали налево, в комнату дежурного.

Комната эта имеет одну особенность: она вынесена за периметр здания, благодаря чему обзор из ее окон составляет 270 градусов. Таким образом, заступавший на дежурство офицер мог визуально контролировать подъездные пути не только к служебному, но и к Главному дому.

Обстановка в комнате дежурного была скудной. Помимо шкафов, стола и стульев здесь еще стояла напольная вешалка для одежды гостей и сотрудников. На западной стене висели часы с маятником. Сразу обращает на себя внимание металлический стеновой шкаф слева. Внутри — телефонные блоки для подключения правительственной связи, спецсвязи, городских телефонов. На столе у дежурного — специальный внутренний коммутатор. Это прямая связь с руководителями охраны, с постами на воротах, а также с внутренними телефонами, находящимися в Главном и Малом доме, бильярдной и других помещениях «Ближней». Таким образом, к дежурному стекалась информация со всего объекта.

Сюда же приезжали фельдъегери. Красные пакеты с надписью «Лично товарищу Сталину» они сдавали старшему офицеру комендатуры дачи. Иногда в присутствии прикрепленного вручали пакет непосредственно генсеку.

Молотов, Маленков, Поскребышев, Хрущев и Микоян на «Ближней».

Все поручения, которые Сталин давал прикрепленным, старшим офицерам фиксировались дежурным в особой тетради, где записывались характер поручения, фамилия исполнителя и время исполнения. Распоряжения Хозяина дежурный получал чаще всего по внутренним телефонам. Это могли быть указания о гостях, которых следовало пропустить в Главный дом. Иногда перед встречей с очередным гостем Сталин поручал дежурному сотруднику охраны включить специальное записывающее устройство. После беседы генсек прослушивал запись и говорил дежурному: «Оставьте, надо сохранить».

Через дежурного Сталин мог затребовать к себе начальника охраны, заместителя коменданта по хозяйственной части, сестру-хозяйку, горничных. Например, он звонил и говорил: «Приготовьте мне кровать». Тогда дежурный офицер посылал двух горничных постелить Хозяину постель на одном из мягких турецких диванов. Как мы уже упоминали в главе «Малая столовая», дежурный знал, в какой именно комнате работал Сталин, поскольку на всех межкомнатных дверях на сталинской половине были установлены специальные датчики. Когда двери открывали и закрывали, сигнализация срабатывала, и на пульте загорались лампочки.

Иногда вождь вызывал дежурного офицера, нажимая кнопку звонка. Как мы уже отме-

чали, эти кнопки находились в каждой жилой комнате и на верандах Главного дома, а также в комнатах Малого дома и бильярдной. В одних местах кнопки крепились на стенах рядом с электровыключателями, в других — лежали на телефонных столиках. «Я знал, что Хозяин мог вызвать меня в любую минуту, — рассказывал Орлов, — и поэтому поздно вечером, ложась спать, я не раздевался, а только снимал сапоги. Как правило, в середине ночи дежурный приходил, будил меня и говорил: „Хозяин зовет!“ Я быстро натягивал сапоги, шел в туалетную комнату, быстро споласкивал лицо, приводил себя в порядок и шел в Главный дом. Сталин сидел, работал, увидев меня, говорил: „Вы спали?“ „Не спал, товарищ Сталин“. „Идите спать...“ Я шел обратно, но какой уже тут сон. Такие вызовы были очень часто»¹¹¹.

Дежурный офицер отвечал за сохранность ключей от всех помещений на территории «Ближней». Все ключи были пронумерованы. Большинство из них хранилось в особом навесном шкафу со стеклянной дверцей. В отдельных шкафчиках висели ключи от дверей Главного и Малого дома, бильярдной, беседки, а также от всех ворот.

Дежурный вел журнал приезда гостей: тех, кто подъезжал к Главному дому, отмечал со слов дежуривших на воротах, тех же, кто входил через служебный дом, видел и сам. От дежурного

Шахматный столик и шахматы.

гости выходили в коридор и двигались в глубь здания к переходу в Главный дом, минуя кабинеты руководителей сталинской охраны. Слева по коридору, первым от входа, располагался кабинет начальника Главного управления охраны — генерал-лейтенанта Власика. Тем же кабинетом пользовался и генерал Новик. Впрочем, он не так часто приезжал на дачу, как Власик. Это сравни-

тельно небольшая, около 24 м², комната с тремя окнами и стандартной обстановкой. О том, что это кабинет руководителя, свидетельствует лишь дверь в левом углу: за ней — маленькая туалетная комната. Из окон можно было наблюдать за развилкой дорог, одна из которых уходит к парадным дверям Главного дома, а другая ведет мимо служебного здания к воротам № 2.

Рядом с кабинетом Власика — кабинет начальника выездной охраны Хрусталева, далее — кабинет начальника хозяйственной части Орлова, еще дальше — комната прикрепленных: Старостина, Горундаева, Тукова. Пятая комната была бельевой.

Там хранились личные вещи Хозяина: его костюмы, военная форма, а также постельные принадлежности. Этой комнатой ведала сестра-хозяйка дачи Истомина. Шестая и последняя комната по левой стороне коридора — туалет. За ним коридор поворачивает налево и через несколько метров упирается в дверь. Здесь начинается тот самый 25-метровый переход, ведущий в Главный дом. Он довольно узок и постепенно поднимается вверх. По его левой стене — пять окон, которые, как и окна Главного дома, затянуты мелкой медной сеткой.

Известный советский дипломат Олег Трояновский¹¹² вспоминал: «Сотрудников охраны в непосредственной близости от основного дома было немного... Они занимали отдельный дом, который непосредственно прилегал к даче Сталина... Иногда вечерами они просили меня переводить им тот или иной трофейный кинофильм с английского языка»¹¹³. По свидетельству Орлова, на киносеансах иногда появлялся Хозяин. Случалось, приводил с собой и соратников.

О том, как генсек смотрел кинофильмы, читаем у Джиласа, допущенного к просмотру вместе с ближайшим окружением в апреле 1945 года: «После ужина мы смотрели фильмы. Сталин сказал, что ему надоела стрельба, — показывали не военный, а колхозный фильм с плоским юмором. Во время фильма Сталин делал замечания, реагировал на ход действия примерно так, как это делают необразованные люди, принимающие художественную реальность за подлинную. Второй фильм был довоенный, на военную тему: „Если завтра война...“ В этом фильме война ведется с применением ядовитых газов, а в тылу агрессоров-немцев вспыхивают восстания пролетариата. После окончания фильма Сталин спокойно заметил:

— Разница с тем, как это было на самом деле, небольшая: не было только ядовитых газов, и не восстал немецкий пролетариат»¹¹⁴.

Списки фильмов сначала просматривали соратники — Молотов, Жданов, Маленков, затем редактировал генсек: менял названия, представлял сценаристов и режиссеров. Сценарии по наиболее важным, с его точки зрения, темам он читал и правил сам. В таких условиях деятели кино, так же как писатели, часто были

Хромовые сапоги. Из личных вещей Сталина.
Высота — 40,2 см, длина подошвы — 30 см.

вынуждены обращаться к вождю как к верховному арбитру.

Показательна в этом смысле история создания знаменитого кинофильма «Иван Грозный». В декабре 1940 года Сергей Эйзенштейн, задумавший поставить картину по пьесе Льва Шейнина¹¹⁵ «Дело Бейлиса», обратился за разрешением к Сталину. Тот поручил Жданову встретиться с режиссером и сообщить о нецелесообразности затеи. Вместо этого Эйзенштейну было предложено готовить фильм о царе Иване.

Со сценарием фильма вождь ознакомился, скорее всего, на «Ближней»: с 10 до 15 сентября 1943 года приема в Кремле он не вел. «Сценарий получился не плохой, — сообщил Сталин Большакову 13 сентября. — Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и опричнина, как его целесообразный инструмент, вышли не плохо. Следовало бы поскорее пустить в дело сценарий»¹¹⁶.

Со второй серией фильма не все обстояло так гладко, как с первой. В мае 1946 года в письме из Кремлевской больницы Эйзенштейн, в частности, писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович!.. Мы настолько торопили его завершение к началу этого года, что в момент окончания фильма (февраль с. г.) сердечные спазмы, появившиеся у меня от переутомления, в свою очередь завершились сердечным припадком (инфаркт) — и вот я уже четвертый месяц лежу в больнице.

Сейчас опасность миновала и в ближайшее время я перехожу на санаторный режим. Физически я сейчас поправляюсь, но морально меня очень угнетает тот факт, что Вы до сих пор не видели картины, уже готовой в течение несколь-

Офицеры охраны Сталина и членов Политбюро у служебного дома.

ких месяцев, — и в особенности потому, что Вы так доброжелательно отнеслись к первой серии.

К этому прибавляются еще всякие неточные и беспокоящие меня сведения, доходящие до меня, о том, что „историческая тематика“ будто бы вообще отодвигается из поля внимания куда-то на второй и третий план.

Очень Вас прошу поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, если вы найдете кусочек свободного времени, посмотреть эту мою работу и разрешить мое беспокойство и тревоги.

Картина является второй частью трилогии о царе Иване — между первой серией, которую Вы знаете, и третьей, которая еще должна сниматься и будет посвящена Ливонской войне.

Чтобы оттенить оба эти широкие батальные полотна, данная серия взята в более узком разрезе: она внутримосковская и сюжет ее строит-

ся вокруг боярского заговора против единства Московского государства и преодоления царем Иваном крамолы.

Простите, что беспокою Вас своей просьбой. Искренне уважающий Вас кинорежиссер С. М. Эйзенштейн¹¹⁷.

Вождь, тщательно контролируя кинопроизводство на различных его стадиях, предпочитал все-таки оценивать уже готовую продукцию. В то же время он не гнушался растолковывать свое видение, давать «непонятливым» дополнительные указания. В феврале 1947 года Эйзенштейн и исполнитель роли Грозного Черкасов¹¹⁸ явились отчитаться по поводу съемок. Сталин в присутствии Жданова и Молотова продолжил наставления: «Вы историю изучали?.. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана

Сталин в окружении личной охраны.

опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клус-клан».

«Я даю вам не указания, — слегка кокетничал вождь, — а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же — Максим, а не Глинка. Артист Чирков¹¹⁹ не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество — уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете... Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского — вы компоновали? Прекрасно получилось. Самое важное — соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала, он должен работать своим воображением, но — оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи»¹²⁰.

За безопасность питания высшего партийно-государственного руководства страны отвечал начальник одного из отделов 9-го управления Коломенцев: «Все продукты направлялись со спецбазы, которая в то время еще находилась в Варсонофьевском переулке, — рассказывал Геннадий Николаевич. — Продукция, которая поступала для руководителей партии и правительства, проходила очень тщательную проверку. У нас большая система была. Об этой системе я говорить не могу, поскольку она и до сих пор считается секретной, но мы давали полную га-

рантию, что те продукты, которые мы направляем охраняемым, та пища, которая готовится на особой кухне, совершенно безопасна, то есть вопрос о том, чтобы отравить через это, был исключен полностью».

Как же проходил выезд Сталина с «Ближней»? «Обычно, — вспоминал сотрудник выездной охраны Соловьев, — Хозяин по домофону¹²¹ сообщает дежурному: „Товарищ такой-то, пришлите машину к подъезду!“ Дежурный дает команду на все посты: „Машину охраняемому!“, сообщает прикрепленным, коменданту и т. д. По команде второй, третий и четвертый посты снимались и составляли выездную охрану (следовали за охраняемым на автомашине). Три оставшихся поста (всего вокруг дома было шесть постов) подтягивались к дому: в районе фонтана у главного входа, в районе входа в хозблок и с тыльной стороны дачи.

По заведенному раз и навсегда порядку основная автомашина ставилась у подъезда Главного дома — у фонтана. Второй пост выдвигался к автомобилю выездной охраны — в район развилки. Один прикрепленный стоит у водителя. У Сталина в машине было постоянное место — откидное (жесткое). Хозяин на заднее (мягкое) кресло не садился, видимо, из-за ревматизма. Когда с ним ехали гости, то они садились только на заднее кресло. Кроме основной машины, были еще две машины — оперативное сопровождение. В первой кроме водителя ехал начальник смены выездной охраны и три сотрудника, вторая машина была резервная, для охраняемого лица, не бронированная, которой Хозяин пользовался в редких случаях. В эту машину садилась группа из четырех сотрудников-„выездников“. Место Сталина в резервной автомашине никто из сотрудников не занимал»¹²².

Перед тем как машины отправлялись в путь, дежурный сообщал на ворота № 1 о готовности машин к отправлению. Один из постовых у ворот выходил на проезжую дорогу и обеспечивал свободный выезд машин с дачи. Пока Хозяин был в дороге, дежурный поддерживал связь с кортежем и с дежурным в Кремле¹²³.

* * *

Парк занимает обширную территорию — два десятка гектаров. До строительства дачи на этом месте был пустырь, лишь вблизи дороги возвышались молодые сосны. Работы по озеленению начались одновременно со строительством объекта. Высаживали березы, краснолист-

ные клены, липы, серебристые ели, туи. Посадки велись вплоть до 1953 года. По разным оценкам, за все это время было высажено от 60 до 70 тысяч деревьев и кустов — и это не считая плодовых культур. В результате парку был придан неповторимый облик, который, как и интерьеры Главного дома, отразил пристрастия и антипатии своего хозяина.

Известно, что круглые клумбы и газоны — а их на «Ближней» в достатке — создают ощущение замкнутости, уединения и спокойствия. Напротив, деревья, высаженные так, что образуют отдельно стоящие высокие вертикальные формы, вызывают чувство тревоги. Сталин стремился к тому, чтобы насаждения не производили впечатления искусственных, а походили на естественный лес. Для этого по указанию генсека между рядами деревьев высаживали кустарники и не вырубали молодняк. Сухие листья убирали только у Главного дома и с подъездной дороги. В глубине парка их оставляли как естественное удобрение. Срезали и собирали лишь сухие сучья.

Со временем парк значительно разросся, и в нем по распоряжению вождя сделали шесть просек. После этого внизу под деревьями стало больше солнечного света и хорошо разрослась трава. Чтобы Хозяину было удобней гулять в сырую погоду, весной и осенью в парке укладывали узкие деревянные настилы. Летом и на зиму их убирали.

«Сад, цветы и лес вокруг, — вспоминала Светлана Аллилуева, — это было самым любимым развлечением отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопату, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда в руки садовые ножницы и подстригал сухие ветки, — это была его единственная работа в саду»¹²⁴.

Склонность вождя к организации экспериментов с растениями подтверждал его сподвижник Молотов. Но даже ему, столько лет знавшему своего патрона, неясны были мотивы этого увлечения. «Большой лимонник [лимонарий. — *Авт.*], специально здание большое отведенное... — говорил Молотов. — А чтобы он копался там, я этого не видел. Все: ох! ах! ох! А я, по совести говоря, меньше других охал и ахал, по мне — на кой черт ему этот лимонник! Лимон-

ник в Москве! Какая польза, какой интерес от него, я не понимаю? Как будто опыты какие-то проводил»¹²⁵.

По свидетельствам сотрудников охраны, Сталин часто гулял по парку. Любимыми местами прогулок были круговая асфальтированная дорожка в тени туй, над берегом пруда, и березовая аллея, посаженная в 1933 году при закладке парка. В этой аллее Сталин часто гулял с гостями.

Маршал Жуков вспоминал: «В ходе Восточно-Померанской операции, кажется, 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

— Идемте, разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941–1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове¹²⁶. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. Понаведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами. Он очень хорошо отзывался о Рузвельте. И. В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто, и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками по управлению Германией после ее капитуляции, о „контрольном механизме в Германии“, о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации „контрольного механизма в Германии“ и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинформирован значительно позже.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по Одере и Нейсе (Западной), но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам,

а мы этого допустить не можем, — сказал Сталин. — Мы хотим раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор...

Вошел А. Н. Поскребышев и подал И. В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их, Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же...

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении»¹²⁷.

В процитированном нами отрывке настойчиво подчеркивается доверительный характер разговора: приведены размышления вождя о судьбе сына, пространные высказывания о внешнеполитических вопросах, не имевших прямого отношения к деятельности Жукова. История создания жуковских мемуаров и в связи с этим степень достоверности тех или иных содержащихся там сведений — предмет отдельного разговора. Здесь же необходимо отметить одно: беседуя с Жуковым о работе Крымской конференции, Сталин не сообщил тому не только деталей организации контрольного механизма и верховной власти в Германии, но и других важных сведений. В частности, даже не упомянул, что опять занимался тайным дележом Европы, договариваясь о зонах влияния, правда, на этот раз не с руководством Третьего рейха, а с Рузвельтом и Черчиллем.

Малый дом

Метрах в ста от Главного дома в негустой тени высоких сосен приютился одноэтажный Малый, или, как иногда называл его Сталин, Маленький дом. Деревянный, в четыре окна по фасаду, с крытой железом крышей, он

был построен в 1938–1939 годах. Как и многие строения на территории объекта, дом выкрашен в темно-зеленый цвет. От площадки с фонтаном к его крылечку ведет узкая — встречным не разминуться — дорожка (сейчас она заасфальтирована, а до 50-х годов ее просто посыпали